

Виктор Борисович Вургафтик

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ

(Декабрь 1973 года)

1

Животное живет в трехмерном мире – пространстве. Для человека к трем измерениям прибавляется четвертое – время: он видит расстояния, отделяющие его от прошлого и будущего.

Дикое животное вспоминает знакомые места, но не видит времена между тем их посещением и этим. Оно предвкушает утоление жажды, но перед его взором не проходит время от этого мгновения до воды. Оно видит лишь расстояния до предметов – впереди и сзади, слева и справа, сверху и внизу.

Но животное, живущее с человеком или среди людей, в какой-то степени выглядывает в четырехмерный мир. То, что отделяет его от кормления или встречи с хозяином, очень существенно для него и может даже стать важнее пространственной свободы. Ведь в таких условиях оно не может пройти столько-то в таком-то направлении, чтобы найти воду или пищу; и не от него зависит встреча с хозяином. Появляется нечто, перед чем оно бессильно, если даже обладает свободой в пространстве, – время.

Для человека временное измерение мира несравненно существеннее пространственных. И в этом измерении он обладает известной свободой: может вспоминать прошлое, планировать будущее. Он не выносит стеснения в нем, предпочитая терпеть стеснение в пространстве. Свобода во времени кажется ему бесконечной, ибо он не помнит дня своего рождения и не предвидит дня своей смерти. Но он знает, что ограничен с той и другой стороны.

Животное не знает рождения и смерти как моментов времени. Они предстают перед ним в пространстве: рождение как мать, материнское молоко, материнские заботы; смерть как пасть хищника, охотник, прибывающая вода. Человек живет под знаком того, что где-то во времени, близко или далеко, есть мгновение, дальше которого он идти не может. Тундровый олень постоянно видит волков, сопровождающих его стадо, и каждый из них есть для него та точка пространства, дальше которой он идти не может. При этом для него нет времени между нынешним мгновением и встречей с этой точкой. Человек же и тогда, когда видит смерть рядом с собой в пространстве, интересуется не расстоянием до нее, а временем, которое должно до нее пройти.

Мир человека относится к миру животного, как объемный к плоскому, и лишь животные, связанные с людьми, способны приподниматься над своим плоским миром. Для таких животных новое измерение приобретает особую важность, хотя и не столь большую, как для человека. Но и для него важны также пространственные измерения, лишь сравнительно со временем они отходят на задний план: имеет значение обстановка, в которой он живет, а по отношению к смерти – не только момент, в который она совершается, но и через что, каким образом.

2

Подобно тому как дикое животное, вступая в соприкосновение с человеком, получает доступ в четвертое измерение – время, человек, соприкасаясь с Богом, получает доступ в пятое. Он не живет в пятимерном мире так, как в четырехмерном, лишь иногда выходит в него. Я хочу сказать, что иногда только, по своему временному измерению, такой человек видит себя в пятимерном мире, однако те, кто населяет его, видят, что он живет в нем вместе

с ними, хотя почти не замечает этого. Так же люди видят, что домашнее животное, как и они, живет не только в пространстве, но и во времени, но почти не замечает его.

Оторвавшись от мира пространства-времени, человек видит его не изнутри, а как бы издали, подобно взлетевшему высоко над землей и вззирающему оттуда, с высоты третьего измерения, на двумерный мир, в котором он жил. Он едва различает отдельные предметы и моменты своей жизни и среди них – свое рождение и свою смерть. Они затерялись где-то там, внизу, и, как все остальное в том мире, больше не имеют значения.

Но он оторвался от своего обычного мира в каком-то его месте и в какое-то мгновение и возвратится тоже в какое-то место и мгновение. И в дальнейшем, продолжая жить в нем, он будет помнить, что все совершилось там-то и тогда-то, хотя об этом нельзя сказать «там» и «тогда».

Так же, как три измерения пространства отступают на задний план по сравнению с четвертым – временем, четыре измерения пространства-времени отступают на задний план по сравнению с пятым. Разве обыкновенный взрослый человек обращает серьезное внимание на что-нибудь, кроме времени, разве может он надолго задержаться на лесах, полях или небе? Он смотрит почти только на часы, он интересуется только часами. И тот, кто был в пятом измерении, хотя и живет как будто по-прежнему, уже не может всерьез принимать время и подолгу возлагать надежды на будущее, даже самые пустячные. Его сердцу почти уже нечего делать в этом мире, но он держится за него и не хочет отпускать. И не имеет того.

3

Когда я говорю о свободе человека во времени, я имею в виду не передвижение его вдоль временной оси, отмечаемое часами. Такое следование за стрелкой часов было бы, напротив, полным отсутствием свободы. Я говорю о свободе перемещения относительно времени, о возможности забегать вперед и возвращаться назад – о предвосхищении будущего и воссоздании прошлого. Неосуществленность планов или погрешность воспоминаний не имеет к этой свободе никакого прямого отношения. И именно без этой свободы не может жить человек.

Но маята во времени утомляет сильнее, чем маята в пространстве, а может наступить момент, в котором человек останавливается, чтобы передохнуть. Он перестает думать о будущем и прошлом – живет сейчас. Тогда он замечает, наконец, пространство – лес, поле, небеса – и видит, что оно прекрасно. И так же, как в пятимерном мире, нет для человека начала и конца. Однако там он поднялся высоко над ними, а здесь остановился на пути между тем и другим; там начало и конец не имеют уже значения, а здесь их нет для него, остановившегося на пути. Это «радость безмятежная» (Достоевский), которою живет животное, когда нет перед ним его мучителя или убийцы. «Тогда сказал бы я: мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой!» (Гете, «Фауст»).

Но бывает еще для человека стеснение во времени, когда он останавливается не потому, что устал, а потому, что из настоящего мгновения его не выпускают обстоятельства, например, требующая всего внимания работа. Это отсутствие свободы – мука для него, из которой два выхода. Один – привыкание к неволе, в которой усыхает душа¹. Другой – бегство в пятое измерение: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные».

¹ «Когда взрослые начинают какую-нибудь работу, а детей превращают в зрителей, время для них ползет еле-еле, как тяжело груженная повозка. А взрослым что – они легко сносят это медленно ползущее, бесконечное время. В этом искусство взрослых. Дети же, погруженные в топкое болото ожидания, волнуются, злятся, но в конце концов вынуждены подчиниться бесконечно долгому течению времени. И детям хочется кричать от радости, стоит им заметить, как стрелка, указывающая на движение времени, передвинулась вперед. Так они связывают себя с действительностью. Взрослые же спокойно прохлаждаются в недвижной заводи времени, будто принимают ванну. И вполне довольствуются этим» (Кэндзабуро Оэ).